

В ПОИСКАХ ИДЕНТИЧНОСТИ: «БЕССАРАБСКИЙ ВОПРОС» И МОЛДАВСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ НАЧАЛА XX в. В ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ¹

О.А. Гром

Аннотация. Статья посвящена отражению проблемы бессарабского вопроса и молдавского национализма в начале XX в. в исторических сочинениях, написанных в период с 1918 г. по настоящее время. Вся историографию вопроса можно разделить на межвоенную румынскую, советскую и современную. Последняя представлена преимущественно историками из Республики Молдова. Изучение истории Молдавии находилось и продолжает находиться под сильным влиянием идеологии, споров об идентичности молдаван/румын и политической конъюнктуры, что негативным образом сказывается на качестве исследований. Лишь в последнее время наметился переход к деполитизированному изучению истории Бессарабии имперского периода с привлечением современных теорий нации и национализма и сравнительного подхода.

Ключевые слова: бессарабский вопрос, молдавский национализм, историография, молдовенизм, румынизм.

Гром Олег Андреевич, младший научный сотрудник Южного научного центра РАН, 344006, г. Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41, gromescu@gmail.com.

¹ Исследование выполнено в рамках проекта «Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли» при поддержке РНФ (грант № 17-78-20117).

IN SEARCH OF IDENTITY: THE “BESSARABIAN QUESTION” AND MOLDAVIAN NATIONAL MOVEMENT OF THE EARLY XXth CENTURY IN THE HISTORIOGRAPHICAL PERSPECTIVE

O.A. Grom

Abstract. The article deals with the Bessarabian question and Moldavian nationalism as they have been reflected in historical works starting from 1918 until present. The historiography may be divided into interwar Romanian, Soviet and contemporary presented mainly by historians from the Republic of Moldova. Moldavian studies were and continue to be under the strong influence of ideology, debates on Romanian vs. Moldavian identity and political situation. These factors negatively affect the quality of the researches. Only recently, the turn to depoliticized and comparative approaches in Bessarabian studies is observed.

Keywords: Bessarabian question, Moldavian nationalism, historiography, Moldovenism, Rumanianism.

На рубеже XIX–XX вв. в Бессарабии, как и на других окраинах Российской империи, начинает распространяться идеология национализма. Во время революции 1905–1907 гг. местной молдавской интеллигенции удалось консолидировать усилия и начать издание первой газеты на молдавском языке, пропагандировавшей среди населения губернии, в основном крестьянского, умеренно-революционные идеи в сочетании с идеями национальной эмансипации. Несмотря на фактическое прекращение националистической агитации на завершающем этапе революции, полемика вокруг «молдавского вопроса» и «молдавского сепаратизма» продолжалась, в том числе и на уровне центральных петербургских изданий. Два события, произошедшие накануне Первой мировой войны, – празднование столетнего юбилея присоединения Бессарабии к Российской империи в 1912 г. и борьба с религиозным сектантством среди молдаван в 1912–1913 гг., – привели к пересмотру культурно-языковой политики по отношению к бессарабским молдаванам и возрождению национального движения. В этот же период Бессарабия и бессарабские молдаване становятся объектом символического противостояния между русскими и румынскими националистическими кругами, что стало важным этапом интернационализации бессарабского вопроса. В 1917–1918 гг., после падения власти Романовых, молдавским националистам удалось оказаться во главе политических процессов в крае и в итоге осуществить присоединение Бессарабии к Румынии.

За последние сто лет на тему «бессарабского вопроса» написано по некоторым оценкам более 1500 статей и монографий [Кушко, Таки, 2012, с. 22]. Тем не менее лишь в небольшой их части акцентируется внимание на событиях начала XX в. и проблеме появления молдавского национализма в Бессарабии. На протяжении почти всего указанного периода историки, писавшие на эти темы, находились под жестким идеологическим и политическим прессингом, и только в последние два десятилетия можно говорить об отдельных попытках создания политически нейтральной истории региона.

Молдавское движение в контексте «бессарабского вопроса» начало изучаться сразу же после присоединения Бессарабии к Румынии в 1918 г. Одной из первых работ подобного рода стала «История Сфатул Цэрий», написанная в 1919 г. по заказу Совета министров Румынии и остававшаяся долгое время неопубликованной [Negrei, Poștarencu, 2004]. Уже в ней можно проследить формирование «канона» истории дореволюционного национального движения, описываемого как движение, изначально стремившееся к «Великому объединению».

Большая часть ранних работ о молдавском движении имела публицистический характер и писалась с практическими пропагандистскими целями предоставления «доказательств» румынских прав на Бессарабию [Pelivan, 1919; Pelivan, 1920; Cazacu, 1926; Ghibu, 1926]. Авторам таких сочинений было крайне важно показать наличие в Бессарабии «румынского вопроса» и существование в период русского господства национального движения, ставившего целью присоединение провинции к Румынии. С середины 1920-х гг. начинается более систематическое изучение

имперского периода истории Бессарабии, вклад в которое внесли такие историки, как Ион Нистор, Штефан Чобану, Петре Казаку, Николае Поповски и др. [Ciobanu, 1923; Cazacu, f. a.; Boldur, 1992; Nistor, 1931]. Сочинения большинства бессарабских и румынских историков этого периода отличала ориентация на панрумынский национализм. Часть же авторов, группировавшихся вокруг кружка журнала «Viața Basarabiei» («Бессарабская жизнь»), отстаивала идеи бессарабского регионализма. Для многих работ был характерен описательный, а зачастую откровенно краеведческий характер. Но все же их авторы уделяли достаточно много внимания проблемам русификации, национального возрождения и идентичности бессарабских румын-молдаван, статусу молдавского языка, борьбе за национальную эмансипацию и т.д. Эти сюжеты освещались, как правило, с телеологических позиций: вся история Бессарабии при русском правлении имела своей конечной целью объединение с Румынией, а роль «национального движения» по большей части преувеличивалась.

Говоря о работах межвоенного периода, следует отметить, что их авторы сами были в той или иной степени вовлечены в национальное движение начала XX в., а некоторые аспекты их работ напоминают скорее сочинения мемуарного жанра, нежели исторические исследования в строгом смысле этого слова. Яркий пример подобного рода работ — статья Штефана Чобану «Из истории национального движения в Бессарабии» [Ciobanu, 1933].

Советская молдавская историография развивалась под постоянным влиянием «войны за идентичность» населения Молдавской ССР. Для нее была характерна борьба с «буржуазными фальсификаторами истории», под которыми в первую очередь понимались румынско-бессарабские историки 20–30-х гг., а также ряд западных авторов и румынских эмигрантов, писавших в основном о юридических и политических аспектах «бессарабского вопроса» [Н.Ф.А., 1931; Malbone, 1944; Popovici, 1931]. Отправными точками для советских молдавских историков, писавших о национальном вопросе, выступали концепция «дружбы народов» и миф «большого и меньшего зол». Первая посылка позволяла при необходимости конвертировать национальные конфликты в классовые, в то время как вторая оправдывала «прогрессивное значение присоединения Бессарабии к России» (и вообще вековое русское господство) как «меньшее зло» по сравнению с перспективой поглощения соседними враждебными империями, а впоследствии и румынским национальным государством [Meurs, 1996, p. 26–27].

В 1940–70-е гг. XX в. историки Советской Молдавии вели дискуссии о времени и обстоятельствах формирования «молдавской буржуазной нации». Национальное движение выступало одной из тем в работах по истории общественной мысли, хотя ему и отводилось существенно меньше места, чем, например, истории рабочего движения или распространению в Бессарабии социалистических и марксистских идей. Среди подобных работ особо следует выделить книгу И.Г. Будака «Общественно-политическое движение в Бессарабии в пореформенный период». В методологическом отношении Будак опирался на классиков марксизма, а также

на работы И.В. Сталина по «национальному вопросу». Будаки прослеживает «национальное движение» начиная с 60-х гг. XIX в., при этом отмечая его крайнюю слабость и аморфность, особенно до начала XX в. Специфика методологии заставляла его видеть в «движении» две составляющих: «демократическую» и «буржуазно-националистическую». Причем именно буржуазия «претендовала на роль руководящей силы в формировании нации и образовании национального государства» [Будаки, 1959, с. 370]. В классово-ограниченности и почти полном отсутствии среди участников «национального движения» пролетариата и крестьянства Будаки видел его слабость [Будаки, 1959, с. 371]. Проблема здесь состояла в том, что в конце XIX – начале XX в. молдавские активисты были в большинстве своем представителями «интеллигентских профессий», выходцами из духовного сословия, которых причислить к классу буржуазии в строгом смысле нельзя. Более того, на тот период вообще трудно говорить о существовании именно молдавской буржуазии как сколько-нибудь заметной и обособленной прослойки. Коллеги Будаки, авторы двухтомника «История Молдавской ССР» указывали, что в конце XIX в. молдавская буржуазия играла незначительную роль в экономике и слабо влияла на общественную жизнь. При этом этнические молдаване среди бессарабских буржуа находились в заметном меньшинстве [История РСФСР Молдовенешты, 1967, п. 543]. Этому феномену «буржуазной нации без буржуазии» молдавские советские историки так и не смогли дать удовлетворительного объяснения. Но, несмотря на это, книгу Будаки можно считать наиболее полным исследованием молдавского национального движения, во многих аспектах превосходящим все последующие работы советских историков. Впрочем, монографию Будаки в советской литературе крайне редко цитировали и упоминали (вероятно, не в последнюю очередь из-за многочисленных ссылок на Сталина), а проблемы, поднятые автором, так и не получили дальнейшего развития.

С выходом в 1974 г. книги крупного идеолога и политического деятеля А.М. Лазарева «Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос» сложился своеобразный канон в изучении «национального вопроса» в Бессарабии. В вопросе о «формировании молдавской буржуазной нации» Лазарев не видел поля для дискуссии. По его мнению, «в период, предшествовавший Великой Октябрьской социалистической революции, молдавский народ сформировался в самостоятельную буржуазную нацию» [Лазарев, 1974, с. 116]. Концепция «молдавской буржуазной нации», несмотря на ее очевидную умозрительность, была крайне важна для советских историков, прежде всего как аргумент в споре между СССР и Румынией. Наличие в регионе уже сложившейся, используя фразеологию советской этнологии, «высшей формы существования этноса» превращало «бессарабский вопрос» (понимаемый Лазаревым в первую очередь как советско-румынский территориальный спор 1918–1940 гг.) в межнациональный конфликт, субъектами которого выступали молдавская и румынская нации. Это позволяло вести речь об «агрессивных действиях данной нации [румынской] по отношению к другой [молдавской] нации» [Лазарев, 1974, с. 116]. Румыния же после 1918 г. при таком подходе представляла собой государство, «собранное из множества национальных лоскутков» [Лазарев,

1974, с. 106], а Советский Союз выступал защитником права молдавской нации (уже без атрибута «буржуазная») на самоопределение.

Собственно проблему «национального движения» в Бессарабии Лазарев рассматривал вскользь и по большей части в контексте событий 1917–1918 гг. Исходя из телеологической «перспективы 1917 года», Лазарев утверждал, что движение молдаван было во многом инспирировано румынским правительством: «Умножая свою агентуру в крае, они (правящие круги Румынии — О. Г.) обратили особое внимание на молдавскую буржуазную интеллигенцию в самой Молдавии и за ее пределами. В ней они видели силу, которой в бурном 1917 г. предстояло играть немаловажную роль и которую, по их мнению, легче всего было заманить, втянуть демагогической пропагандой в широко расставленные агентурные сети» [Лазарев, 1974, с. 127].

Своеобразным итогом изучения «национального вопроса» в дореволюционной Бессарабии в советской молдавской историографии можно считать коллективную монографию «Формирование молдавской буржуазной нации». Авторы работы, следуя классовой теории и господствовавшей в советской этнографической науке трехчленной схеме «племя — народность — нация», являвшейся частью советской «теории этноса», сфокусировались на длительных экскурсах в историю Молдавии «эпохи феодализма» и на обширном описании социально-экономического развития Бессарабии в имперский период. Собственно же национализму и национальному движению они уделили крайне мало внимания, ограничившись его схематическим описанием. Если для Будака более важным был акцент на социально-политическом делении молдавских националистов, то авторы «Формирования молдавской буржуазной нации» настаивали на классификации националистов по принципу отношения к молдавской идентичности и российскому государству. Одних националистов они объявляли «промолдавскими», ориентировавшимися на «молдавский буржуазный национализм» и ставившими целью «отвлечение масс от классовой борьбы». Другое же течение было представлено «румынскими шовинистами», распространявшими «вредную» теорию о родстве румын и молдаван и сеявшими ненависть к братскому русскому народу. И те и другие провозглашались «врагами молдавского трудового народа» [Лазарев, 1978, с. 184–185]. Провал агитации «буржуазных националистов» авторы объясняли тем, что «молдавский народ понял, что подлинное решение национального вопроса невозможно без коренных социально-экономических преобразований, и принял активное участие в осуществлении Великой Октябрьской социалистической революции» [Формирование молдавской буржуазной нации, 1978, с. 25].

Перестройка и последовавший за ней распад Советского Союза привели к коренным переменам в молдавской историографии. В конце 80-х — начале 90-х гг. произошла «реабилитация» работ «буржуазных историков» межвоенного периода, а также диффузия идей румынских историков эпохи Чаушеску и постсоциалистического периода. Это привело к расколу молдавской историографии на два «лагеря»: «молдовенистов» и «румынистов». Это противостояние касается не только

исторической науки, но затрагивает почти все стороны социально-политического дискурса в Республике Молдова. Исследователями было замечено, что и «румынисты», и «молдовенисты» зачастую находят аргументы для своих построений в одних и тех же исторических источниках, но интерпретируют их различным способом. Румынисты выступают сторонниками этнического национализма, утверждающего, что бессарабские молдаване являются составной частью румынской нации. Молдовенисты, в свою очередь, пропагандируют проект гражданской молдавской нации, легитимизирующий как историческое прошлое молдавского государства, так и его будущее [Дигол, 2005, с. 500]. Впрочем, и молдовенистский проект нельзя в полной мере назвать гражданским, так как зачастую его сторонники апеллируют именно к молдавской этничности, противопоставляя ее румынской.

Обращение к сюжетам имперского прошлого в большей степени характерно для представителей «румынистского» лагеря. Большое внимание «румынисты» уделяют публикации источников¹, а их собственно исследования в аналитическом отношении редко выходят за рамки комментариев к этим самым источникам. Ярким примером может служить наиболее известная и часто цитируемая работа Г. Негру «Царизм и национальное движение бессарабских румын». Половину относительно небольшой по объему книги занимают приложения, в которых опубликованы базовые документы по истории национального движения и его взаимодействия с имперскими властями, в то время как авторский текст в заметной мере состоит из цитат из тех же документов с комментариями [Negru, 2000]. Поддерживает такой подход наивная вера в то, что исторические источники сами по себе могут «доказать» или «опровергнуть» какую-либо политическую концепцию, как применительно к прошлому, так и в отношении настоящего, а задача историка при этом сводится к «ознакомлению» публики с содержимым документов. Часто это принимает комические формы, когда «методология» авторов сводится к выделению в цитатах жирным шрифтом или курсивом «ключевых слов» — «молдаванин», «молдавский», «Молдова» у молдовенистов и «румын», «румынский», «Румыния» у их оппонентов².

Тем не менее, вклад Г. Негру в дело изучения национального движения в Бессарабии очень важен. Особого внимания заслуживают его изыскания в изучении роли губернатора А.Н. Харузина и его «личного агента» Георге Мадана в деле борьбы с революционным течением бессарабского национализма [Negru, 2012; 2008a; 2008b].

Говоря о «румынистском» течении в молдавской историографии, следует отметить вклад кишиневского историка Иона Варты в изучение национального движения в позднеимперской Бессарабии [Varta, 2011]. Среди молдавских историков Варту, пожалуй, можно назвать крупнейшим знатоком бессарабской румыноязычной периодики. В недавно вышедшей коллективной монографии молдавских и румынских

¹ Например, [Poștarencu, 1998], а также ряд публикаций таких историков, как И. Варта и Г. Негру в местных и румынских исторических журналах и т.д.

² Для сравнения см.: [Стати, 2003] и [Ghimpu, 2002].

историков, посвященной двухсотлетию присоединения Бессарабии к России, Варте принадлежит глава «Политика денационализации и национальное движение бессарабских румын при царской оккупации» [Pop, Bulei, 2012, p. 57–115], в которой он пытается вписать всю историю Бессарабии имперского периода в рамки румынского национального нарратива. Однако при крайней фрагментарности фактов, особенно применительно к первой половине и середине XIX в., он прибегает к сомнительным интерпретациям. Так, например, переселения крестьян за Прут в первые годы после присоединения прудо-днестровского междуречья к России, вызванные опасениями распространения на новую окраину крепостного права, подаются как протест против «политики денационализации и русификации» [Pop, Bulei, 2012, p. 69]. Под единым ярлыком «национального сопротивления» или «национального движения» описываются такие разномастные явления, как протесты против урезания дворянской автономии, романтические увлечения местного боярства середины XIX в. «румынской идеей», социалистическая агитация бессарабцев-эмигрантов, опасения имперских чиновников относительно возможности роста прорумынских симпатий населения и собственно национальное движение начала XX в. Тем не менее, несмотря на спорность трактовок, работы Варты представляют интерес с точки зрения представленного в них фактологического материала, основанного на архивных источниках и молдавской периодике.

Для молдовенистской историографии имперский период представляется наименее удобным эпизодом «национальной истории», так как он плохо вписывается в теорию непрерывности молдавской государственности от «основания» Молдавского княжества воеводой Богданом I в 1359 г. до современной Республики Молдова. Молдовенисты часто не ведут самостоятельных архивных исследований, а опираются на вторичную литературу, причем написанную румынистами, и опубликованные ими же источники, интерпретируя их в соответствии со своими идеологическими установками. В основном сюжеты рубежа XIX–XX вв. у молдовенистов не составляют самостоятельных исследований, а являются частями обобщающих работ. Для них характерно преувеличение региональной составляющей в концепциях националистов при игнорировании их явных прорумынских симпатий. Основным аргумент зачастую сводится к тому, что молдавские националисты начала века «утверждали этноним “молдаване”». Действительно, термины, являющиеся производными от слова «румын», употреблялись в текстах бессарабских молдавских националистов реже, хотя и не отсутствовали вовсе, как это хотели бы видеть молдовенисты. Но важно тут то, что молдовенисты совершенно не обращают внимания на контекст употребления и значение этих «этнонимов» в дискурсе эпохи. Румынисты же, напротив, склонны объяснять непоследовательность употребления «этнонимов» в текстах националистов начала XX в. цензурными соображениями [Varta, 1994, p. 22]. По их мнению, там, где в источнике написано «молдаванин», между строк следует читать «румын».

Еще более радикальное «молдовенистское» прочтение истории национального движения начала XX в. сложилось в работах историков из Приднестровья. Здесь

прежде всего следует упомянуть книгу П. Шорникова «Молдавская самобытность». Вслед за советской историографией он делит националистов на истинных защитников национальных интересов молдаван (то есть «промолдавских») и «прорумынских». Последних он объявляет участниками антироссийского заговора и «агентами иностранной спецслужбы» (которую, впрочем, не называет) [Шорников, 2007, с. 204]. Этот тезис, по всей вероятности, заимствован Шорниковым из антирумынской беллетристики 20–30-х гг., а также из послевоенных сочинений, посвященных борьбе с «буржуазными фальсификациями» истории Молдавии¹. Излишне говорить, что «доказательная база» подобных построений строится почти исключительно на вырванных из контекста цитатах из тенденциозно подобранных источников. Несмотря на ряд грубых фактологических ошибок и элементы «теории заговора», работа Шорникова, как и другие выдержанные в подобном духе труды молодой приднестровской историографии, пользуется определенной популярностью у русскоязычных читателей в Молдове и за ее пределами.

Несмотря на в целом неутешительное состояние молдавской историографии, в последнее время наметились положительные изменения. В связи с этим стоит упомянуть книгу кишиневского политолога Юлиана Фрунташу «Этнополитическая история Бессарабии» [Fruntașu, 2002]. Хотя Фрунташу и опирается в основном на вторичную литературу, его работа стала одной из первых попыток применения современных теорий национализма и идентичности к молдавскому материалу. Продуктивной кажется попытка рассматривать процесс национальной эмансипации молдаван не как изолированный случай, а параллельно с историей становления национализмов других этнических групп Бессарабии. Также интересны, хотя и во многом спекулятивны, рассуждения Фрунташу о внутреннем мире бессарабского крестьянства, столкнувшегося во второй половине XIX – начале XX в. с вызовами урбанизации и модернизации и ставшим объектом националистической агитации.

Недавней попыткой выйти за рамки традиционных «школ» в изучении «бессарабского вопроса» стала книга «Бессарабия в составе Российской империи», в которой впервые предложен взгляд на «бессарабский вопрос» в контексте имперских ритуалов и практик. Обращение к имперскому контексту резко отличает эту работу от большинства сочинений молдавских историков. Касательно сюжетов, связанных с «национальным движением», авторы попытались дистанцироваться от героизаторской тенденции, преувеличивающей роль местного национализма в политической истории Бессарабии.

Важной вехой в изучении «бессарабского вопроса» в позднеимперской Бессарабии стал выход в конце 2017 г. книги Андрея Кушко «Оспариваемая окраина: конкурирующие румынские и русские представления о Бессарабии в конце XIX – начале XX в.». Автор рассматривает историю Бессарабии с точки зрения «символического противостояния» России и Румынии, подробно анализирует позиции румынских

¹ Например, В. Дембо прямо называл молдавских националистов «наемными агентами румынской охраны». См.: [Дембо, 1924, с. 64; Антонюк, Афтенюк, 1969, с. 26].

националистов, бессарабских политических эмигрантов в Румынии и различных имперских акторов. В меньшей степени Кушко обращается к «местным голосам», то есть молдавским националистам. Он отмечает недостаток артикуляции, характерный для бессарабских румыноязычных интеллектуалов в период до Революции 1905–1907 гг., тем самым ставя под сомнение применимость к Бессарабии XIX в. понятия «национальное движение» [Cusco, 2017, p. 64]. При этом более важным оказывается не столько сам «вызов», брошенный местными националистами, сколько проецирование страхов имперской элиты и русского общественного мнения, выразившееся в конструировании дискурса молдавского «сепаратизма» и «ирредентизма» в период между революцией 1905–1907 гг. и Первой мировой войной [Cusco, 2017, p. 216].

Говорить о западной историографии истории Бессарабии как об отдельном исследовательском направлении на данный момент преждевременно. Хотя и существует определенный интерес к истории Молдовы (чаще всего – в контексте приднестровской войны, нациостроительства и конфликта идентичностей в советский и постсоветский период), сюжеты, связанные с имперским прошлым региона, остаются в целом вне поля зрения западных исследователей.

Среди западных работ особого внимания заслуживает книга Чарльза Кинга «Молдаване: Румыния, Россия и культурная политика», в которой он затрагивает проблему идентичности молдаван в широком историческом контексте. Говоря об имперском периоде истории Бессарабии, Кинг подчеркивает неопределенность идентичностей населения окраины и размытость этнических границ. Кинг дает краткий обзор возникновения и истории молдавского национального движения, в целом следующий «румынистской» версии, но лишенный присущего ей патриотического пафоса. Появление национального движения он связывает с событиями рубежа XIX и XX вв. [King, 2000, p. 28–32]. Говоря о западных исследованиях по истории Бессарабии, можно упомянуть также книгу итальянского историка Альберто Башиани «Трудное объединение. Бессарабия и Великая Румыния, 1918–1940» [Basciani, 2007] и монографию Ирины Ливезяну «Культурная политика в Великой Румынии» [Livezeanu, 2000].

Румынскую историографию бессарабского национализма также достаточно тяжело выделить в отдельное направление. В основном она представлена работами, написанными совместно с историками из Молдовы [Алмаш, Скурту, 2001; Pop, Bulei, 2012; Musteață, 2012]. Это объясняется целым рядом факторов. Во-первых, в течение длительного времени «бессарабский вопрос» в Социалистической Румынии оставался негласным табу, так как его муссирование могло негативно сказаться на и без того напряженных отношениях между Румынией и Советским Союзом. Во-вторых, источники по истории Бессарабии имперского периода в меньшей степени доступны румынским исследователям, не в последнюю очередь еще и потому, что в массе своей написаны на русском языке. Это обстоятельство определяет вторичный характер многих работ по Бессарабии, написанных в Румынии. Румынские историки в большей степени вынуждены доверять выводам и интерпретациям

своих кишиневских коллег. В-третьих, история Бессарабии, в отличие от истории других «румынских провинций», остается маргинальной темой как в массовом сознании, так и в исторических сочинениях. Современную румынскую историографию в целом можно рассматривать как продолжение молдавской в ее румынистской ипостаси.

Таким образом, на протяжении длительного времени проблемой молдавского национального движения занимались почти исключительно местные историки, что отчасти объясняет местечковый, краеведческий характер большинства работ. На данный момент невозможно говорить о существовании российской и западной историографии имперского периода истории Бессарабии. Ввиду специфики истории региона после 1917 г. исследования по теме социально-политических движений в Бессарабии, и в особенности по истории местного национализма, оказались в сильной зависимости от политической конъюнктуры и непрекращающейся «войны идентичностей», неизбежно проецируемой на прошлое. Это обстоятельство неизменно сказывалось и продолжает сказываться на качестве исследований. Несмотря на предпринятые в последние годы попытки отойти от традиционных схем и «школ», создание деполитизированного, «нейтрального» нарратива остается актуальной задачей. Особенно важным представляется возвращение имперского измерения в историю «бессарабского вопроса» имперского периода.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Алмаш Д., Скурту И. и др. История Бессарабии. От истоков до 1998 года. Кишинев: Онисифор и Октавиан Гибу, 2001. 352 с.

Антонюк Д.И., Аftenюк С.Я. и др. Предательская роль «Сфатул цэрий». Кишинев: Картя Молдоеняскэ, 1969. 190 с.

Будак И.Г. Общественно-политическое движение в Бессарабии в пореформенный период. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1959. 412 с.

Дембо В. Бессарабский вопрос. М.: Государственное Военное изд-во, 1924. 185 с.

Дигол С. Парадигмы и парадоксы концепции национального государства в постсоветской Молдавии: язык, государственность и национальная идентичность // *Ab Imperio*. 2005. № 2. С. 499–516.

История РСС Молдовенешть. Вол. I. / под ред. Л.В. Черепнина. Кишинэу: Картя Молдовеняскэ, 1967. 710 с.

Кушко А., Таки В., Гром О. Бессарабия в составе Российской империи (1812–1917). М.: НЛО, 2012. 400 с.

Лазарев А.М. Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1974. 910 с.

Стати В. История Молдовы. Кишинев: Tipografia Centrală, 2003. 480 с.

Формирование молдавской буржуазной нации / под ред. А. М. Лазарева. Кишинев: Штиинца, 1978. 220 с.

Шорников П.М. Молдавская самобытность. Тирасполь: Изд-во Приднестр. ун-та, 2007. 400 с.

Basciani A. La difficile unione. La Bessarabia e la Grande Romania. 1918–1940. Roma: Arachne, 2007. 413 p.

Boldur Al. Istoria Basarabiei: Sub dominațiunea rusească : (1812–1918). Vol. 2. București: Victor Frunză, 1992. 544 p.

Cazacu P. La verità storica sulla questione della Bessarabia. Bucarest: Cultura Nazionale, 1926. 62 p.

Cazacu P. Moldova dintre Prut și Nistru. Iași: Viața Românească, f. a. 345 p.

Ciobanu Șt. Basarabia: populația, istoria, cultura. Chișinău: Știința, 1992. 156 p.

Ciobanu Șt. Cultura românească în Basarabia sub stăpânirea rusă. Chișinău: Editura „Asociației Uniunea Culturală Bisericească din Chișinău”, 1923. 343 p.

Ciobanu Șt. Din istoria mișcării naționale în Basarabia // *Viața Basarabiei*. 1933. № 1–2. Pp. 65–75.

Cusco A. A Contested Borderland: Competing Russian and Romanian Visions of Bessarabia in Late Nineteenth and Early Twentieth Century. Budapest – New York: CEU Press, 2017. 345 p.

Fruntașu Iu. O Istorie etnopolitică a Basarabiei. 1812–2002. Chișinău: Cartier, 2002. 592 p.

Ghibu O. De la Basarabia rusească până la Basarabia românească. Cluj: Datina Românească, 1926. 197 p.

Ghimpu Gh. Conștiința națională a românilor moldoveni. Chișinău, 2002. 484 p.

Hamilton F.A. The Bessarabian Dispute // *Foreign Affairs*. 1924. Vol. 2. Issue 4. Pp. 662–667.

King Ch. The Moldovans: Romania, Russia, and the Politics of Culture. Stanford: Hoover Institution Press, 2000. 303 p.

Livezeanu I. Cultural Politics in Greater Romania: Regionalism, Nation Building and Ethnic Struggle, 1918–1930. Ithaca and London: Cornell University Press, 2000. 260 p.

Malbone W. Graham. The Legal Status of the Bukovina and Bessarabia // *The American Journal of International Law*. Vol. 38. № 4. Pp. 667–673.

Meurs W.P. Chestiunea Basarabiei în istoriografia comunistă. Chișinău: Arc, 1996. 526 p.

Negru Gh. “Agent personal” al guvernatorului Basarabiei. Cazul Sergiu Cujbă // *Destin Românesc*. 2008. Nr 1 (53). Pp. 75–95.

Negru Gh. Culisele publicării ziarului „Moldovanul”. Corespondența secretă a guvernatorului Basarabiei cu înalții demnitari ai Imperiului rus (1906–1908) // *Anuarul Institutului de Istorie al Academiei de Științe a Moldovei*. 2012. Nr 2. Pp. 205–212.

- Negru Gh.* Gheorghe Madan – agent al Imperiului Rus // *Revista Română de Jurnalism și Comunicare*. 2008. Nr 4. Pp. 69–79.
- Negru Gh.* Țarismul și mișcarea națională a românilor din Basarabia. Chișinău: Prut Internațional, 2000. 199 p.
- Nistor I.* Istoria Basarabiei. București: Humanitas, 1991. 350 p.
- O pagină din istoria Basarabiei. Sfatul Țării (1917–1918) / sub ed. I. Negrei, D. Poștarencu. Chișinău: Prut Internațional, 2004. 288 p.
- Pelivan I. G.* The rights of the Romanians to Bessarabia. Paris: Imprimeria des Arts et des Sports, 1920. 21 p.
- Pelivan I.G.* The Union of Bessarabia with her Mother-country Romania. Bucarest: Cartea Românească, [1919]. 44 p.
- Pop I.A., Bulei I. et al.* 200 ani din istoria românilor dintre Prut și Nistru, 1812–2012. Chișinău: Litera, 2012. 216 p.
- Popovici A.* The Political Status of Bessarabia. Washington: Ransdell Inc., 1931. 318 p.
- Popovschi N.* Istoria bisericii din Basarabia în veacul al XIX-lea sub ruși. Chișinău: Cartea Românească, 1931. 510 p.
- Poștarencu D.* O istorie a Basarabiei în date și documente. Chișinău: Cartier, 1998. 219 p.
- Tratatul de pace de la București din 1812 – 200 de ani de la anexarea Basarabiei de către imperiul rus / coord. Sergiu Musteață. Chișinău: Pontos, 2012. 352 p.
- Varta I.* Presa românească din Basarabia la începuturile sale // *Destin Românesc*. 1994. № 4. Pp. 19–31.
- Vata I.* Mișcarea națională a românilor basarabeni în perioadă 1905–1914 // *Anuarul Institutului de Istorie al Academiei de Științe a Moldovei*. 2011. Nr 1. Pp. 178–198.

REFERENCES

- Almash D., Skurtu I. i dr. *Istoriya Bessarabii. Ot istokov do 1998 goda* [History of Bessarabia. From the Beginnings to 1998]. Kishinev, 2001. 352 p. (in Romanian).
- Antonjuk D.I., Aftenjuk S.Ja. i dr. *Predatel'skaja rol' "Sfatul Tserij"* [The Treacherous Role of "Sfatul Țării"]. Kishinev: Karta Moldovenească, 1969. 190 p. (in Russian).
- Budak I.G. *Obshhestvenno-politicheskoe dvizhenie v Bessarabii v poreformennyj period* [Socio-Political Movement in Bessarabia in the Post-Reform Period]. Kishinev: Cartea Moldovenească, 1959. 412 p. (in Russian).
- Dembo V. *Bessarabskij vopros* [Bessarabian Question]. M.: Gosudarstvennoe Voennoe izdvo, 1924. 185 p. (in Russian).
- Digol S. Paradigmy i paradoksy koncepcii nacional'nogo gosudarstva v postsovetskoj Moldavii: jazyk, gosudarstvennost' i nacional'naja identichnost' [Paradigms and Paradoxes of the Concept of Nation State in Post-Soviet Moldova: Language, Statehood, and National Identity], in *Ab Imperio*. 2005. № 2. Pp. 499–516 (in Russian).

Istoria RSS Moldovenești [History of Moldavian SSR.]. Vol. I. / pod red. L.V. Cherepnina. Chișinău: Cartea Moldovenească, 1967. 710 p. (in Romanian).

Kushko A., Taki V., Grom O. *Bessarabija v sostave Rossijskoj imperii (1812–1917)* [Bessarabia as a Part of Russian Empire (1812–1917)]. M.: NLO, 2012. 400 p. (in Russian).

Lazarev A.M. *Moldavskaja sovjetskaja gosudarstvennost' i bessarabskij vopros* [Moldavian Soviet Statehood and Bessarabian Question]. Kishinev: Cartea Moldovenească, 1974. 910 p. (in Russian).

Stati V. *Istoriija Moldovy* [History of Moldova]. Kishinev: Tipografia Centrală, 2003. 480 p. (in Russian).

Formirovanie moldavskoj burzhuznoj nacii [Formation of Moldovan Bourgeois Nation] / pod red. A. M. Lazareva. Kishinev: Știința, 1978. 220 p. (in Russian).

Shornikov P.M. *Moldavskaja samobytnost'* [Moldovan Identity]. Tiraspol': Izd-vo Pridnestr. un-ta, 2007. 400 p. (in Russian).

Basciani A. *La difficile unione. La Bessarabia e la Grande Romania. 1918–1940* [The difficult Union. Bessarabia and Greater Romania]. Roma: Arachne, 2007. 413 p. (in Italian).

Boldur Al. *Istoria Basarabiei: Sub dominațiunea rusească: (1812–1918)* [The History of Bessarabia: Under the Russian Dominance: (1812–1918)]. Vol. 2. București: Victor Frunză, 1992. 544 p. (in Romanian).

Cazacu P. *La verità storica sulla questione della Bessarabia* [The Historical Truth about Bessarabian Question]. Bucarest: Cultura Nazionale, 1926. 62 p. (in Italian).

Cazacu P. *Moldova dintre Prut și Nistru* [Moldova between Prut and Dniester]. Iași: Viața Românească, f. a. 345 p. (in Romanian).

Ciobanu Șt. *Basarabia: populația, istoria, cultura* [Bessarabia: Population, History, Culture]. Chișinău: Știința, 1992. 156 p. (in Romanian).

Ciobanu Șt. *Cultura românească în Basarabia sub stăpânirea rusă* [The Romanian Culture in Bessarabia under the Russian Rule]. Chișinău: Editura "Asociației Uniunea Culturală Bisericească din Chișinău", 1923. 343 p. (in Romanian).

Ciobanu Șt. Din istoria mișcării naționale în Basarabia [From the History of the National Movement in Bessarabia], in *Viața Basarabiei*. 1933. № 1–2. Pp. 65–75. (in Romanian).

Cusco A. *A Contested Borderland: Competing Russian and Romanian Visions of Bessarabia in Late Nineteenth and Early Twentieth Century*. Budapest – New York: CEU Press, 2017.

Fruntașu Iu. *O Istorie etnopolitică a Basarabiei. 1812–2002* [An Ethnopolitical History of Bessarabia. 1812–2002]. Chișinău: Cartier, 2002. 592 p. (in Romanian).

Ghibu O. *De la Basarabia rusească până la Basarabia românească* [From Russian Bessarabia to Romanian Bessarabia]. Cluj: Datina Românească, 1926. 197 p. (in Romanian).

Ghimpu Gh. *Conștiința națională a românilor moldoveni* [National Conscience of Moldavian Romanians]. Chișinău, 2002. 484 p. (in Romanian).

Hamilton F.A. The Bessarabian Dispute, in *Foreign Affairs*. 1924. Vol. 2. Issue 4. Pp. 662–667.

King Ch. *The Moldovans: Romania, Russia, and the Politics of Culture*. Stanford: Hoover Institution Press, 2000. 303 p.

Livezeanu I. *Cultural Politics in Greater Romania: Regionalism, Nation Building and Ethnic Struggle, 1918–1930*. Ithaca and London: Cornell University Press, 2000. 260 p.

Malbone W. Graham. The Legal Status of the Bukovina and Bessarabia, in *The American Journal of International Law*. Vol. 38. № 4. Pp. 667–673.

Meurs W.P. *Chestiunea Basarabiei în istoriografia comunistă* [Bessarabian Question in Communist Historiography]. Chișinău: Arc, 1996. 526 p. (in Romanian).

Negru Gh. “Agent personal” al guvernatorului Basarabiei. Cazul Sergiu Cujbă [“Personal Agent” of Bessarabian Governor. Case of Sergiu Cujbă], in *Destin Românesc*, 2008. Nr 1 (53). Pp. 75–95 (in Romanian).

Negru Gh. Culisele publicării ziarului “Moldovanul”. Corespondența secretă a guvernatorului Basarabiei cu înalții demnitari ai Imperiului rus (1906–1908) [Behind the Scenes of the Newspaper „Moldovanul”. Secret Correspondence of Bessarabian Governor with High Officials of Russian Empire (1906–1908)], in *Anuarul Institutului de Istorie al Academiei de Științe a Moldovei*. 2012. Nr 2. Pp. 205–212 (in Romanian).

Negru Gh. Gheorghe Madan – agent al Imperiului Rus [Gheorghe Madan – an Agent of Russian Empire], in *Revista Română de Jurnalism și Comunicare*. 2008. Nr 4. Pp. 69–79 (in Romanian).

Negru Gh. *Țarismul și mișcarea națională a românilor din Basarabia* [Tsarism and the National Movement of Romanians from Bessarabia]. Chișinău: Prut Internațional, 2000. 199 p. (in Romanian).

Nistor I. *Istoria Basarabiei* [History of Bessarabia]. București: Humanitas, 1991. 350 p. (in Romanian).

O pagină din istoria Basarabiei. Sfatul Țării (1917–1918) [A Page from the History of Bessarabia. Sfatul Țării (1917–1918)] / sub ed. I. Negrei, D. Poștarencu. Chișinău: Prut Internațional, 2004. 288 p. (in Romanian).

Pelivan I.G. *The Rights of the Romanians to Bessarabia*. Paris: Impremeria des Arts et des Sports, 1920. 21 p.

Pelivan I. G. *The Union of Bessarabia with her Mother-Country Romania*. Bucarest: Cartea Românească, [1919]. 44 p.

Pop I.A., Bulei I. et al. *200 ani din istoria românilor dintre Prut și Nistru, 1812–2012* [200 Years from the History of Romanians between Prut and Dniester, 1812–2012]. Chișinău: Litera, 2012. 216 p. (in Romanian).

Popovici A. *The Political Status of Bessarabia*. Washington: Ransdell Inc., 1931. 318 p.

Popovschi N. *Istoria bisericii din Basarabia în veacul al XIX-lea sub ruși* [The History of the Orthodox Church from Bessarabia in XIX Century under Russians]. Chișinău: Cartea Românească, 1931. 510 p. (in Romanian).

Poștarencu D. *O istorie a Basarabiei în date și documente* [A History of Bessarabia in Dates and Documents]. Chișinău: Cartier, 1998. 219 p. (in Romanian).

Tratatul de pace de la București din 1812 – 200 de ani de la anexarea Basarabiei de către imperiul rus [Bucharest Peace Treaty of 1812 – 200 Years from the Annexation of Bessarabia by Russian Empire] / coord. Sergiu Musteață. Chișinău: Pontos, 2012. 352 p. (in Romanian).

Varta I. Presa românească din Basarabia la începuturile sale [Romanian Press from Bessarabia at its Beginnings], in *Destin Românesc*. 1994. № 4. Pp. 19–31 (in Romanian).

Vata I. Mișcarea națională a românilor basarabeni în perioadă 1905–1914 [National Movement of Bessarabian Romanians in 1905–1914], in *Anuarul Institutului de Istorie al Academiei de Științe a Moldovei*. 2011. Nr 1. Pp. 178–198 (in Romanian).